

Правление Ярослава, по словам историка Карамзина, было «блестящим и счастливым». Благостный книголюб, строитель Софийского собора, говорят о нем летописи. Но есть и другие источники — в них вырисовывается фигура, не слишком похожая на эти святцы.

Доктором исторических наук, профессором, заведующей отделом научных исторических исследований Национального заповедника "София Киевская" Надежда Никитенко не безоговорочно доверяет летописям. За годы научной работы, в том числе и в качестве заведомо научно-исторических исследований Национального заповедника «София Киевская», она убедилась: в них можно встретить и несовпадение дат, и подозрительные лакуны, и прямую фальсификацию событий.

А что тут странного? Летописи не раз переписывались под очередного князя, и те, кто это делал, не всегда заботились о том, чтобы безукоризненно свести концы с концами. Да и карамзинская «История государства Российского», в общем-то, писалась под заказ. Над этим монументальным трудом еще А. С. Пушкин иронизировал: Карамзин «без всякого пристрастия» доказывает «необходимость самовластия и прелести кнута». И ведь не в летописях, как мы почему-то привыкли думать, а в церковной традиции с подачи Карамзина закрепилось за Ярославом прозвище Мудрый.

«Полуправда страшнее лжи, ведь она так похожа на правду! — говорит профессор Никитенко. — Да, Ярослав в летописях прославляется как человек боголюбивый и книжный, много сделавший для просвещения Руси. Но об этом прозвище, которое он якобы заслужил в народе, — ни слова».

— Может, оно просто не сохранилось, Надежда Николаевна?

— Но прозвища отца почему-то сохранились — былины его величают и «ласковым князем», и «Владимиром Красное Солнышко», а о Ярославе молчат. Зато летописи, в том числе и Новгородская, ненароком проговариваются о его кличке: Хромец. А ведь

Новгород был для этого князя не просто городом — его еще ребенком Владимир поставил туда княжить. Говорят летописи и о том, что в 1016 году в битве у Любеча некий киевский воевода по кличке Волчий Хвост скакал на коне по днепровскому берегу, насмехаясь над пришедшими с Ярославом новгородцами: «Зачем вы пришли с хромцом этим, плотники? Вот мы поставим вас хоромы нам рубить!» А западноевропейские источники прямо называют Ярослава Юлием Клавдием — этакое переложение на античный манер его христианского имени Юрий (Георгий) и клички Хромец, тогда это было очень модно.

Ярослав и правда с детства был хромым, это подтвердила экспертиза останков в гробнице, что и сейчас стоит в Софии Киевской. Можно бы не упоминать об этом его физическом недостатке — мало ли с кем что случается? Но, похоже, в нашем случае все гораздо серьезнее. Князь был фактически инвалидом — не только правая нога короче левой, а таз асимметричен, но и позвоночник смолоду искривлен и малоподвижен. То есть Ярослав был еще и горбат, хотя довольно высок — около 175 см.

Беда в том, что в те суровые времена калека не мог в сознании своих подданных быть полноценным властителем: ведь князь — это воин, он должен вести полки в бой! Похоже, инвалидность Ярослава могла наложить отпечаток и на его характер — вспомним хотя бы шекспировского Ричарда III. «Особенности его скелета и черепа позволили антропологам говорить о легкой возбудимости и раздражительности, склонности к вспышкам гнева», — комментирует Надежда Никитенко.

Впрочем, у Ярослава были и другие причины для комплексов. Строго говоря, он претендовал на киевский стол, не имея особых к тому оснований. Ни по старшинству — среди 12 сыновей Владимира называется в летописи то третьим, после Вышеслава и Изяслава, то даже четвертым, пропуская вперед и Святополка. И с годом рождения Ярослава подозрительная путаница: то в «Повести временных лет» сообщается, что умер в 1054-м в 76 лет — значит, родился в 978-м. А то вдруг говорится, что в 1016 году ему было 28 лет — значит, родился на 10 лет позже. Тогда умер он в 66 лет — человеком пожилым, но еще не старым (кстати, сохранил все зубы). Это и экспертиза подтвердила.

Зачем понадобилось прибавлять эти 10 лет? Да чтобы утвердить старшинство среди сыновей Владимира, а значит, и право на киевский престол. Тем более что с происхождением Ярослава не все так уж безоблачно. Не очень-то верится, что его матерью была варяжка Рогнеда, дочь полоцкого князя Рогволода — ее потомки издавна враждовали с потомками Ярослава, об этом и летопись говорит: «С тех пор меч

воздевают Рогволоджи внуки против Ярославлих внуков». Скорее прав украинский историк Н. И. Костомаров, считавший, что Ярослав не был единоутробным братом ни одного из своих братьев. Видимо, были причины скрывать свое настоящее происхождение — может, он был бастардом, как его отец Владимир? То ли дело Борис, рожденный в христианском браке от порфирородной принцессы Анны, дочери и сестры византийских императоров!

Действительно, такое не могло не отразиться на характере Ярослава. Это был человек неоднозначный и сложный, способный на коварство и жестокость даже к своим — к собственным братьям, к союзникам-новгородцам. Свидетельские показания об этом дают, как ни странно, скандинавские саги, говорящие о подвигах и приключениях наемников-варягов — знаменитых на всю Европу воинов, служивших в том числе и русским князьям.

— Но разве можно доверять этим сагам? Художественные произведения, фольклор...

— Саги не фольклор, это доказано специальными исследованиями. Они живая история, которую передавали из уст в уста без добавлений и изменений. А наемникам не было причин приукрашивать своих работодателей. Эймундова сага рисует Ярослава как человека умного, но двоедушного и скупого. Всякий раз, когда варяги выполняли очередное задание князя, их предводителю Эймунду приходилось буквально выколачивать из него деньги, идти на всевозможные уговоры, угрозы и ухищрения, чтобы убедить и дальше не отказываться от их услуг.

А кстати, в чем эти услуги состояли? Вот тут — самый, пожалуй, «скользкий» момент Ярославовой биографии. Мы с детства знаем про злодея Святополка Окаянного, предательски убившего братьев Бориса и Глеба. Но по саге «Ярислейф» заказал варягам убийство «Бурислейфа», а потом не захотел платить. И хотя некоторые исследователи видят в таинственном Бурислейфе некую собирательную фигуру, похоже, все проще. «Для меня очевидно, что это именно Борис, — говорит Надежда Николаевна. — Он и был основным противником Ярослава. Просто Святополк и Ярослав — какие-то табуированные личности. Нам навязали, что один плохой, а другой хороший, и мы верим. Но это были просто люди, и мудрые, и окаянные в какие-то моменты своей жизни».

В средневековье борьба за власть была ничуть не менее яростной, чем в позднейшие

времена, но куда более кровавой — например, король франков Хлодвиг приказал убить всех своих родственников, чтобы никто не стоял на его пути к трону. Да и Владимир таким же образом разобрался с братом Ярополком. Уж не говорю о соседях с юга — туристам в Стамбуле и сейчас показывают обширное кладбище младших сыновей султанов, убитых «на всякий случай», чтобы не вздумали претендовать на трон.

Борис ведь тоже не был такой уж овечкой. Когда он, проиграв Ярославу битву у Любеча, бежал в степь, собрал и привел оттуда под Киев войско печенегов — можно себе представить, что бы они сделали с городом и его обитателями! Но киевляне свой город отстояли, хотя оборонительные валы еще не были достроены — пришлось обложить их ветками, в которых застревали стрелы. Печенеги вернулись в степь, а трагическое соперничество братьев еще больше обострилось.

«Дальше дело было так, — говорит профессор Никитенко. — Когда Эймунд спросил Ярослава, как быть, если Борис попадет к ним в руки, то получил уклончивый ответ: он не будет ни побуждать «кого-либо» биться с Борисом, ни винить, если его убьют. Это и послужило наемникам сигналом к действию. Глубокой ночью они пробрались в лагерь Бориса под Киевом и выполнили свою работу, а чтобы убедить Ярослава, что все прошло, как задумано, Эймунд принес ему отрубленную голову брата. Реакция «заказчика» показала, что на самом деле Ярослав был далек от хладнокровия. Он сильно разволновался и покраснел: «Быстро же вы сделали дело, касающееся лично меня...» Не похвала — скорее упрек, стремление переложить вину на варягов».

Но у Ярослава еще оставались два брата-конкурента. Одолеть Мстислава Черниговского он так и не смог, пришлось разделить с ним Русскую землю по Днепру. Зато младшего, Судислава Псковского, удалось «посадить в поруб», где тот просидел 23 года и был освобожден лишь незадолго до смерти. Так Ярослав стал «самовластцем» — и его династия правила на Руси вплоть до начала XVI века, именно она заказывала историю придворным летописцам.

Никто не смог бы все это проделать без соратников, без надежного тыла. Для Ярослава таким тылом были новгородцы. Но он и тут показал себя прагматиком, как сейчас любят говорить в сомнительных ситуациях. Еще когда княжил в Новгороде и восстал против отца накануне его смерти, «бояся рати», нанял варягов. А те пустились бесчинствовать, насиловать мужних жен. Возмущенные горожане разделались с варягами по-своему — перебив на месте ночевки. Тогда разгневанный Ярослав пригласил к себе тысячу знатных новгородцев, «обольстив их», и учинил кровавую бойню. Но вскоре горько пожалел о расправе: пришла весть о смерти Владимира, нужны были верные люди для

войны за Киев. Пришлось собрать новгородцев на вече и слезно покаяться в своем «безумии».

Безусловно, новгородцам было обещано многое. Овладев с их помощью Киевом, Ярослав расплатился с ними не так, как с варягами, — дал большие деньги и грамоту, которую историки называют хартией вольности Новгорода. Она долго хранилась в городе как святыня, пока не была уничтожена по приказу Ивана Грозного, утопившего в крови новгородские вольности.

А как же у князя было с личной жизнью? Женой его стала шведская принцесса Ингигерда (Ирина), на которой Ярослав женился против ее воли. Девушка, по словам саг, была «мудрее всех женщин и хороша собой». Однако она была обручена с королем Норвегии Олафом, с которым ее связывало взаимное чувство. Но для браков принцесс есть причины поважнее любви — отец, Олаф Шведский, передумал и устроил дочери союз с Ярославом.

Умная и волевая княгиня сумела завоевать любовь и уважение мужа. Но вряд ли этот брак был счастливым — иначе Ингигерда завещала бы похоронить себя рядом с Ярославом в Софии Киевской, а не в Софии Новгородской рядом со своим первенцем Владимиром. Тем не менее она всю жизнь была мудрой помощницей Ярослава, родила ему трех дочерей и шестерых сыновей. Елизавета, Анна и Анастасия стали королевами Норвегии, Франции и Венгрии, а старшие сыновья Изяслав, Святослав и Всеволод правили Русью.

Главным деянием Ярослава мы привыкли считать строительство Софии Киевской. Но и это не так — он лишь достроил собор, заложенный и возведенный его отцом Владимиром. Тот же Титмар Мерзебургский упоминает Софию как действующую резиденцию Киевского митрополита уже в 1017—1018 годах. Но Ярослав в 1017-м только занял киевский стол, а окончательно утвердился в Киеве через два года. И совсем не случайно мозаики и фрески храма прославляют не Ярослава и Ирину, а Владимира и Анну, его действительных основателей. Это же подтверждают древние надписи-граффити на стенах, в том числе и недавно найденные.

— Но почему Ярославу стали приписывать чужие заслуги? Может, это произошло без его воли?

— Как сказать! Был, например, такой факт: когда в Киев приехало французское посольство сватать для короля Генриха I Анну Ярославну, в его составе был Католаунский епископ Роже. Он потом рассказывал, что слышал от Ярослава, как тот самолично привез из Херсонеса главу прославленного святого Климента Римского. Но летописи утверждают: это сделал Владимир, принесение мощей Климента в Киев и положение их в Десятинной церкви — одно из главных его деяний по христианизации Руси.

Так что за человек был Ярослав и какие все-таки за ним заслуги? Он действительно много строил — завершил Софию и укрепления вокруг Киева, возвел Благовещенскую церковь на Золотых воротах, храмы св. Георгия и св. Ирины. И действительно просвещал народ, создал знаменитую Софийскую библиотеку, при которой велось летописание и переводились книги. Он сделал многое, и за это мы всегда будем ему благодарны.

Ярослав умер в Вышгороде в ночь с 19 на 20 февраля 1054 года. Его сын Всеволод по древнему обычаю поставил гроб с телом отца на сани и привез в Киев, в Софию, где его захоронили в беломраморном саркофаге. О смерти этого князя сообщает надпись-граффито на столбе центрального нефа: «В (лето) 6562 месяцы феввари в 20-е усение царя нашего».

[Киевские ведомости](#)